

18+

Русин Василий

Туман

Василий Русин

Туман

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Русин В. Л.

Туман / В. Л. Русин — «ЛитРес: Самиздат», 2019

История начинается с приходом в город Тумана. Леонид, писатель, так и не получивший признания, встречает на своем пути существо из другого мира. Возможно, это знакомство поможет ему написать ту книгу, о которой он мечтал. Книгу, которая сделает его знаменитым на весь мир. Все было бы так, если бы Леонид не был тяжело болен, и эта история не была бы рассказана им его лечащему врачу.

Туман.

Hear my silent prayer,

Heed my quiet call,

When the dark and blue surround you.

Step into my sigh,

Look inside the light,

You will know that I have found you.

Secret Garden – Dreamcatcher.

Леонид

Моя мама всегда говорила мне: «Сынок, бойся туманов». А ей говорила ещё её бабка, цыганка, представительница народности, знавшей не понаслышке об иной стороне жизни. Той, о которой в наш век просвещения забыли, и я думаю, что к лучшему. Ведь, поверь человек в силу, находящуюся за границами его понимания, за легкой туманной дымкой осязания, разве он смог бы построить теперешнее общество, полное благоденствия и счастья? Думаю, нет. Демоны иной стороны не дали бы ему спуска, и, завладев его разумом, уничтожили бы его. Его хрупкий просвещённый ум не выдержал бы и минуты.

Вы спросите – зачем ты размышляешь об этой чепухе, когда нам нужно строить новый мир, трудиться на благо государства и во имя великого будущего? Зачем ты изводишь себя пустой философской трескотней, когда твой винтик так необходим мировой машине? Я отвечаю.

Потому что с недавних пор туман стал для меня лакмусовой бумажкой всего сущего. Его цвет и форма, его наличие или отсутствие – всё это стало для меня важнее работы. Важнее, чем трудом своим приблизить великое будущее. Важнее всего, даже важнее жизни. И я расскажу вам все, с самого начала. И теперь, когда всё вокруг потеряло смысл, я заклинаю вас, мои доктора, бойтесь туманов.

Моё имя – Леонид Гросов, я состоял в союзе писателей города Куйбышев, но через несколько лет меня с позором изгнали из его рядов. Мне, тогда ещё молодому человеку, полному амбиций и ярких идей, очень быстро стало тесно в обыденном мире нашего далеко не светлого государства. Я перебивался случайными заработками, стал много пить. Но что же уберегло тебя – спросите вы? Сон. Сон, друзья мои. Сон обладает удивительно целебными свойствами. Когда душа, вера в которую безвозвратно утеряна, (и я намеренно употребляю это слово, так сказать, для «красного словца»), находится на грани, и ты уже готов умереть, потому что не в силах выносить свое жалкое тело, свой воспалённый мозг, тогда приходит сон, сон разума и сон души. Иногда его называют комой.

Во сне ко мне пришла моя мать. Я видел себя лежащим в грязной подворотне, мои лохмотья давно перестали походить на одежду достойного члена нашего общества.

Вы не верите мне, я вижу, но дайте немного времени и пожалейте мои силы, не задавайте вопросов. Я всё расскажу. Скоро всё затянется туман, а с ним уйду и я. Пожалуйста, не делайте эти знаки медсестре, уколы не помогут, вы уже пытались. Ваша улыбка мне нравится. Как вас зовут? Хельга? Вы из европейского региона, там хорошо, я хотел бы побывать там. Нет, нет, мне не доведется, не пытайтесь убедить меня, и не убаюкивайте своей молодостью, я вижу больше, чем вы думаете. Лучше поправьте подушку, это будет самым уместным проявлением вашей доброты.

Так вот, в том сне мне явилась моя мать, давно уже почившая. Она приподняла мою голову, так же, как и Вы порой приподнимаете её, когда от успокоительных мои мышцы перестают служить мне, и прижала к себе. И я плакал в том сне, ничто не сдерживало меня. О, как горячи были мои слезы, будто бы они были чистым алкоголем, они жгли мне кожу, но я не

мог остановиться. Я вглядывался в теряющее очертание лицо матери и плакал. И всё что я мог увидеть – это блеск звезд в уголках её глаз.

О, прошу, ну зачем? Этот укол бесполезен, вы лишь отсрочите неизбежное. Зачем?

Который час? Я проспал всего лишь несколько минут, я же говорил, что ваши уколы перестали действовать. Да, да, я помню, вы в европейском регионе знаете лучше. Хельга, ведь вас так зовут? Вы же здесь, чтобы выслушать меня, правда? Тогда слушайте. И обещайте, что не будете больше делать эти неприятные инъекции. Не можете обещать? Потому что я сумасшедший? Что ж, вам в европейском регионе виднее.

Я проснулся, отошел от того сна. И вы опять не поверите мне, но я открыл глаза совершенно другим человеком. Я отыскал своего друга, он помог мне. Первое время я жил у него, потом устроился на завод имени Ленина. Я ведь ничего не умел, но у меня появилось то, что ценнее всего на свете – острое желание жить. Говорят, что на последней войне немцы готовы были идти на любые эксперименты, чтобы выжечь это желание из груди русских военнопленных, но у них ничего не вышло.

Я верю в силу, в негибемую силу русского духа. А вы верите, Хельга? У вас имя такое своеобразное – как Ольга, только на немецкий лад. Что же вы губы поджали? Ваши дальние родственники как-то связаны с этой неприятной историей? О, простите, в европейском регионе не принято задавать такие вопросы, простите за отсутствие такта. Но ведь вы утверждаете, что я сумасшедший, значит, я могу говорить все, что вздумается. О, нет! Куда же вы Хельга, куда вы?!

Больница – она больше похожа на тюрьму, хотя на что мне жаловаться? Меня кормят через инъекции, я связан, чтобы не причинить никому вреда, я хожу под себя, а специально обученные сестры убирают за мной. Грустно? Нет. Порой это даже забавно. Я научился получать какое-то извращенное удовольствие от пребывания здесь. Они хотят узнать у меня правду, но и не могут провести со мной и дня. Одно меня печалит: если они не поверят мне, то все, все мои крики души напрасны. Леди Туманов заберет меня, а потом кто-то ещё попадет в её объятия. Ведь нельзя искоренить мир по ту сторону. Даже если внушить всем и везде прагматичные взгляды, что-то всегда будет неясной туманной дымкой висеть над людьми и нашептывать подлецу бессовестные идеи, а гению преподносить великие открытия. Нельзя искоренить природу, само солнце нельзя заменить на фальшивую лампочку. Нельзя! Понимаете?

Хельга

«Нужно зайти в магазин, купить что-нибудь на ужин и сигарет. Угроздило же приехать в этот Куйбышев. Столица, а на деле – та ещё дыра. От смога и тяжелого дыма доменных печей порой не видно неба. Приходится ходить в респираторных масках. Неудивительно, что Леонид сошел с ума. Правительство замалчивает статистику о душевных расстройствах среди населения этого региона, и понятно, почему. По мне, так тут каждого второго можно закрывать» – Хельга стряхнула пепел с сигареты. Затянулась. В окне город Куйбышев предстал морем огней разных оттенков, застывших на черном безграничном полотне. Так ей виделись всё ещё стоявших повсюду хрущевок. Темные бастiónы их крыш плыли в туманной дымке. Эту панораму Хельга наблюдала каждый вечер из окна своего семьдесят второго этажа. Гостиничный номер и высота помогали ей отдалиться от рабочих проблем, помечтать о том, как она вскоре вернется в свой родной Берлин. Она ещё раз затянулась и, выдохнув облако густого сигаретного дыма, прикрыла окно шторой.

Ей не давал покоя вопрос. Сумасшествие Леонида было очевидным, его неоднократные попытки сбежать привели к усилению режима, его безумие было налицо. Но вот что странно:

в его истории было что-то глубинное, что-то, что притягивало внимание Хельги. Что-то, что невыразимым образом завораживало. И пугало.

Будто одна из сказок, рассказанных бабушкой у огня. Страшно так, что нет сил пошевелиться и мурашки бегут по спине, но нет сил встать, ибо ноги больше не слушаются, не принадлежат тебе, ты весь во власти рассказчика. И теперь он, или, возможно, его история правит тобой, и покуда история жива, ты мертв, ты бессилен. И в это самое мгновение проявляется то, что сокрыто в повествовании, его самая суть, душа, которая так хочет быть ожить хоть на мгновение, хоть на один удар твоего сердца. Ты будто одержим тем мрачным повествованием. Страх растекается вокруг тебя туманной пеленой.

И с каким же облегчением и болезненным восторгом ты встаешь при слове «конец». И просишь ещё. Будто заложник тайны, будто голодный узник, в бессильной мольбе тянешь закованные в кандалы руки к смеющемуся надзирателю. А в ответ не получаешь ничего.

Леонид

Доктор, вы сегодня само очарование, но почему вы так холодны со мной? За что? Я обидел вас? Вы плохо спали? Неудивительно – туманы. В этот период всем сложно, поверьте. Вы знаете, я даже рад, что вы колете мне более сильное снотворное. Да, я засыпаю и не слышу, как она поет. Раньше её голос мог заменить мне вест мир. О, вы не поверите, но для писателя муза – это все, и она стала для меня таковой.

Имя? Вы смеётесь надо мной. У нее нет имени, а даже если бы и было, так ли это важно? Вы любили когда-нибудь? О, конечно, как такая очаровательная девушка, как вы, могла остаться без внимания поклонников. Если вы любили, то вам знакомо это сладкое чувство, оно сродни безумию, оно появляется где-то в груди и растет, развивается в тебе, будто опухоль, и затмевает ход твоих мыслей. Да, безумие, но только разрешенное. Официальное.

Я вернулся с завода в тот вечер. Было поздно, я поднялся к себе в комнату, хотя это не совсем комната, я снимал целый чердак. Оттуда открывался потрясающий вид. Это было год назад. Тогда город заполнили туманы, как и сейчас. И я в ту пору изрядно уставал на работе.

Я приходил домой, варил себе кофе, пил его, слушал радио и смотрел в окно. Я ждал, когда моя муза принесет мне идею, которую я перенесу на бумагу, и позже мне не придётся работать за гроши и так выматываться, что до печатной машинки нет сил дотянуться. Я брал кружку, и руки дрожали после тяжелой, монотонной смены на заводе. Будь проклят этот труд!

Однажды я рассердился, страшно рассердился. Кажется, я даже что-то сломал в комнате, не помню точно. Но что я помню, так это смех, а затем и песню, унявшие мое желание разрушить все и вся.

Я оглянулся на звук. Там, за окном, в туманной дымке, будто стоя на облаках, танцевала она. Вся будто сотканная из серебристой дымки, она казалась мне невесомой, призрачной, и её смех заставил сердце забиться сильнее. И я засмеялся в ответ. Будто что-то порвалось в груди, будто я сбросил оковы с давно связанного сердца. Я не мог остановиться, смеялся как мальчишка, до слез, до того, что вздохнуть стало больно. Я смеялся вместе с нею.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.